

ДОСТОЕВСКИЙ И ВС. КРЕСТОВСКИЙ

Отношения Достоевского с писателем Всеволодом Владимировичем Крестовским (1839—1895) — один из наименее ясных эпизодов его биографии. Известно несколько фактов и свидетельств этих отношений, но довольно разрозненных, несистематизированных. Ряд фактов скрыт в архивных источниках и повременных изданиях прошлого века. Задача данной статьи — выстроить их в определенную последовательность, позволяющую внести некоторые уточнения в биографию Достоевского.

Знакомство Достоевского с Крестовским может быть отнесено к концу 1859 г. Молодой поэт и прозаик (Крестовский начал печататься в 1857 г.) входил тогда в литературу через кружок Л. А. Мея, где сблизился с А. А. Григорьевым. Критик на первых порах увлекся молодым дарованием и по своему обыкновению выводил его в люди. Очевидно, он и привел его на «вторники» у А. П. Милюкова, где Крестовский встретил Ф. М. Достоевского. Первый биограф Крестовского Ю. Л. Елец, основывавшийся на документальных материалах, впоследствии утраченных, и воспоминаниях самого Крестовского, с которым был знаком, писал, что тот, будучи студентом петербургского университета (с 1857 г.), познакомился вначале с М. М. Достоевским и «сразу стал в ряды поклонников» его брата, который «оказывал немало влияния на Крестовского».¹

В 1859 г., привлеченный тем же А. А. Григорьевым к участию в журнале «Русское слово» (где в мартовском номере опубликован «Дядюшкин сон» Достоевского), Крестовский с апреля по октябрь печатал стихи и рецензии в каждом номере этого журнала, внося заметную струю политического свободомыслия. Так, в июльском номере напечатано стихотворение «Гедеон». Библейский герой в ответ на предложение стать царем произносит следующую тираду:

О нет!.. Да узрят же потомки
Родной страны одни обломки,
Когда восседет хоть один
Над нами дерзкий властелин!..

Республиканский идеал молодого поэта столь же громко был высказан и в стихотворении «Избрание Саула» («Библиотека для чтения»).

¹ Крестовский В. В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1899. Т. 1. С. VIII.

ния», 1859, № 5). Очевидно, именно такими стихами Крестовский, по воспоминанию очевидца, «производил большой фурор на студенческих сходках».² В арсенале молодого поэта были также стихи Некрасовского направления «Стоп земли», «Калика перехожая», «Владимирка», «Полоса» (последние два стали песнями, популярными в революционной среде). В стихотворении «Памяти нятерых» в стиле народного плача он поминает повешенных декабристов и говорит о «необязанном богатыре» — А. И. Герцене. С 1858 г., сблизившись с братьями Курочкиными, сотрудничает в «Искре».

Таков Всеволод Крестовский к моменту его встречи с Достоевским. Очевидно, он органически вписывался во «вторники» А. П. Милюкова, о которых Н. Н. Страхов впоследствии вспоминал: «Политические и социальные вопросы были тут на первом месте».³

Существенную роль сыграл Крестовский, в основном как поэт, в журнале формирующегося почвенничества «Свечеч».⁴ В самом первом, программном, номере 1860 г. были напечатаны два его стихотворения: «С еврейского» (о проповеди Христа во имя «справды и свободы») и «Весенней ночью, благобно» (из любовной лирики). В следующем номере он опубликовал стихотворение «Я б ушел от вас на берег моря». Картиная размахистость и широта русской природы, отвергающей «доброй прав, мещанству лишь послушный, да и барабанный бой всех споров», явились здесь несомненным отражением соответствующих мотивов «последнего романтика» А. А. Григорьева (как, впрочем, и весь цикл «Хандра»,⁵ в который позднее вошло это стихотворение). Недаром в следующем, третьем, номере «Свечеч» 1860 г. Крестовский напечатает посвященную Григорьеву стилизацию разбойничьего фольклора «Былина про Степана Разина Тимофеевича». Обращение Крестовского вслед за Л. А. Меем к фольклорным стилизациям (значительная часть их была затем опубликована в августовском номере «Библиотеки для чтения» 1860 г.), очевидно, еще больше сблизило его с почвенниками. Много надежд в это время возлагал на молодого поэта А. А. Григорьев. В письме к М. П. Погодину в марте—апреле 1860 г. он утверждал: «У меня есть силы <...> готовые работать с яростью, работать бескорыстно <...> для борьбы за идею пародности в жизни, искусстве, науке (А. С. Григорьев, В. Крестовский). . .».⁶

Сочувствие к народу, забытому и унижаемому (например, рассказ «Любовь дворовых» в «Библиотеке для чтения». 1859. № 8), любованье народным героем (стихотворение «Жница» в «Русском слове». 1859. № 9) — весь этот некрасовский комплекс в творчестве молодого Крестовского оказался во дворе в почвенническом лагере.

² Скабичевский А. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 166.

³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 1. С. 271.

⁴ См.: Фридендер Г. М. У истоков «почвенничества»: (Ф. М. Достоевский и журнал «Свечеч») // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. № 5.

⁵ Свечеч. 1861. № 4.

⁶ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 257—258.

Портрет Крестовского этого периода нарисован Достоевским в письме к А. И. Шуберт 3 мая 1860 г.: «Видел Крестовского. Я его очень люблю. Написал он одно стихотворение и с гордостью прочитал нам его. Мы все сказали ему, что это стихотворение ужасная гадость, так как между нами принято говорить правду. Что же? Ничего не обиделся. Милый, благородный мальчик! Он мне так нравится (всё более и более), что хочу, когда-нибудь, на попойке выпить с ним на ты» (28₂, 10).

Достоевский, очевидно, исполнил свое намерение. Дошедшие до нас кратко записки Крестовского к Достоевскому начала 60-х гг. — в основном дружески-шутливого характера, с обращениями типа «голубчик Федор Михайлович», «голубчик-батя Федор Михайлович», «мамушка, голубчик», одна из записок — обращение на «ты» («завтра, голубчик»).⁷ Они свидетельствуют о каком-то нежном, ласковом отношении молодого писателя к своему старшему брату, а с другой стороны — об открытости, доверчивости Достоевского.

О каком «одном стихотворении» идет речь в письме к А. И. Шуберт? Более чем вероятно, о каком-то из цикла «Испанские мотивы», что вскоре будет печататься в «Русском мире». Скорее всего, Достоевский имел в виду стихотворение «Гитана», с которого этот цикл открывается («Русский мир», 1860, 21 сентября, № 73). Монолог испанской грешницы заключался следующим четверостишием:

Пусть позор — моя дорога
К небу в лучшие края —
Мне за то простится много,
Что любила много я.

«Позор», оказывающийся «дорогой к небу», эта сомнительная диалектика «земного» и «небесного», которую бойко осваивал молодой поэт, очевидно, вызвала недовольство Достоевского. Отголосок тех споров мы можем найти в позднейших возвращениях Достоевского к данному сюжету, начиная с «Преступления и наказания» (6, 21). В майском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. он писал по поводу речи адвоката Утина на процессе Капровой: «Г-н защитник <...> применял к своей клиентке цитату из Евангелия: „она много любила, ей многое простится“.⁸ Это, конечно, очень мило. Тем более, что г-н защитник отлично хорошо знает, что Христос вовсе не за такую любовь простил „грешницу“ <...> у очень многих подростков, у гимназистов (иных), у юнкеров (побольше), у прежних кадетов (всего больше) действительно вкореняется почему-то с самой школы понятие, что Христос именно за эту любовь и простил грешницу, то есть именно за клубничку или, лучше сказать, за усиленность клубнички <...> Это убеждение встречается и теперь у чрезвычайно многих» (23, 19—20). Суждение адвоката (позднее эту мысль будет смаковать Федор Павлович Карамазов — 14, 69; ср.: 15, 203, 204, 208) не могло не напомнить писателю его давнюю стычку с Крестовским.

⁷ ГБЛ, ф. 93, II, 5, 145. Л. 1—3.

⁸ От Луки, гл. 7, ст. 47—48.

Любопытно, что в черновых записях к главе «Дневника писателя» вначале говорится: «это юнкерская мысль» (24, 215), а вслед за тем круг расширяется: «юнкеров, гимназистов, кадетов» (24, 217). Всеволод Крестовский, закончивший первую петербургскую гимназию,⁹ усвоил подобный взгляд из тех гимназических быта и нравов, колоритные зарисовки которых он включил в повесть «Не первый и не последний» («Русский мир», 1861, № 30—44).

Всеволод Крестовский тогда все же папачал свое стихотворение, хотя, очевидно под влиянием кружкового мнения, сделал к процитированному четверостишию отвлекающее примечание (он сам или близкий кружку редактор А. Гиероглифов): «Последние четыре стиха в стихотворении „Гитана“ выражают собою религиозный мистицизм, составляющий характеристическую черту испанских нравов».¹⁰ В позднейших изданиях Крестовский снял это примечание. Как видим, его согласие, чрезвычайно скорее и легкое, с критикой Достоевского ничуть не помешало опубликовать «ужасную гадость» всего через четыре месяца.

Круг знакомств Вс. Крестовского, человека весьма общительного и расторопного, не ограничился почвенническим кружком. Особенно близко сходитя он в 1861 г. с редакцией журнала «Русское слово», возглавляемой Г. Е. Благосветловым. Место Крестовского в этом журнале пока явно недооценивается в исследовательской литературе,¹¹ между тем в 1861—1862 гг. он печатал здесь стихи, прозу, критические статьи почти в каждом номере. Ему принадлежат принципиальное выступление журнала о поэзии Некрасова (см. ниже). По воспоминаниям одного из участников редакционного кружка, Д. И. Писарев (знакомый с Крестовским еще по университету) буквально «нянчился» с ним,¹² — ему, как и Достоевскому, Крестовский был чем-то весьма симпатичен.

Принятый, с одной стороны, во «Времени», а с другой — в «Русском слове», Крестовский был своеобразным связным между ними: окончательная дифференциация демократических сил русского общества еще не произошла. Более того, внимательное рассмотрение публикаций Крестовского в «Русском слове» показывает, что в ряде принципиальных вопросов оба эти журнала могли тогда выступать вполне солидарно.

В первом номере «Времени» 1861 г. опубликована программная для журнала статья Ф. М. Достоевского — «Введение к „Ряду статей о русской литературе“». Центральная ее мысль — необходимость «изучения народа» и сближения с ним интеллигенции. Параллельно в первом номере «Русского слова» 1861 г. Крестовский поместил

⁹ Впоследствии (1868 г.), уже в зрелом возрасте, Крестовский вступил юнкером в уланский полк.

¹⁰ Рус. мир. 1860. 21 сент. № 73. С. 126.

¹¹ См.: Варушин Л. Э. Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966. С. 19, 97, 102. Вполне игнорирует Крестовского в своих работах о «Русском слове» Ф. Ф. Кузнецов.

¹² Фирсов Н. Н. В редакции журнала «Русское слово» // Ист. вестн. 1914. № 5. С. 494—495.

рецензию на сборник И. А. Худякова «Великорусские сказки». Сопадения со статьей Достоевского очевидны. «Мы все-таки до сих пор очень плохо знаем народ» (18, 66), — писал Достоевский. Мы «только начинаем вглядываться в темную массу народа», — вторил ему Крестовский. «Чтоб язучить народ во всей полноте его свежих и нетрону-тых сил, — развивал он идеи Достоевского, — надо сперва прикре-питься к его почве, вырасти, воспитаться на ней, сжиться с его поня-тиями и верованиями».¹³ Через месяц Достоевский напишет: «Довер-енность народа теперь надо заслужить: надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться в него вполне» (19, 7).

Кое в чем и Достоевский, и его спутник повторяли то, что уже было сказано в русской критике о необходимости «проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним».¹⁴ Но далее в оценке народности русской литературы оба отталкива-лись от светского взгляда Добролюбова и упрощавшего его Дудышкина. Первым об этом воззрении высказался Крестовский, развивая идеи «Введения к „Ряду статей...“» и чуть опережая статью «Г-н — бов и вопрос об искусстве». Лучшие русские поэты, писал Крестовский, «были присущи русской почве»: «Что ни доказы-вай себе г. г. — бов и Дудышкин, кушо с юродствующим Виктором Аскоченским, о ненародности и ничтожности Пушкина, сколько ни кричите себе присяжные цепители о možnosti и незаконности рус-ского рода и в особенности русской формы (как уже отжившей и негодной) в нашей литературе, мы никогда не согласимся с ними...».¹⁵ Аргументируя эту мысль, Крестовский обращался к примеру, излюбленному Достоевским. Народу понятна, утверждал он, «пушкинская медведиха». Крестовский имел в виду набросок «Сказки о Медведихе». По воспоминанию Страхова, Достоевский «ценил очень высоко» этот отрывок и именно в это время (1860—1861) превосходно читал его в литературном кружке.¹⁶ Более чем вероятно, что Крестовский и здесь был «рупором» своего старшего товарища. Сам Достоевский публично скажет об этом неодоленном шедевре поэта лишь в некрасовской главе «Дневника писателя» 1877 г. (26, 116) и в Пушкинской речи (26, 144).

Следует заметить, правда, что мысль Достоевского о «колоссаль-ном значении Пушкина» (18, 69) Крестовский в 1861 г. принял с одной оговоркой. Пушкин, по его мнению, проник в народность скорее чутьем, инстинктом, чем научным сознанием. Эта оговорка, очевидно, была сделана под влиянием Писарева. Вероятно, не обошлось без его воздействия и в рецензии Крестовского на «Сборник русских духовных стихов В. Варенцова» в том же номере «Русского слова». Бледность воображения и скудость фантазии находит Кре-стовский в духовных стихах, что дает ему возможность заявить о не-правоте тех, кто уверовал в глубокую религиозность русского на-

рода. Достоевский обходил пока этот вопрос, который настойчиво ставил перед ним Ап. Григорьев, недовольный подобной осторож-ностью «Времени».

Вскоре полемика Крестовского, попавшего на короткое время под мощное и подавляющее влияние Писарева, с Григорьевым обо-стрится. Как бы в ответ на статью последнего о сборнике стихотво-ренных А. С. Хомякова («Время», 1861, № 5) он печатает свою рецензию на тот же сборник в «Русском слове» (1861, № 8), где будет доказы-вать, что тониз Хомякова вредил ему в понимании русского народа. Если вспомнить, что осторожное отношение редакторов «Времени» к Хомякову и славянофилам стало тогда одной из причин временного расхождения Григорьева с журналом,¹⁷ то картина противоречий внутри почвеннического лагеря в 1861 г. будет более объемной. Кре-стовский — один из тех сотрудников (вместе с Разным, Кусковым), кто выражал тогдашнее тяготение редакции к левому крылу обще-демократического движения. Еще более хлесткими и прямо нигили-стическими были выступления Крестовского по поводу нового изда-ния сочинений Г. С. Сквороды («Русское слово», 1861, № 7, 8). Агонию Крестовского, высказанный публично и без обиняков, от-толкнул от него Ап. Григорьев, но, что весьма любопытно, не испортил его отношений с Достоевским.¹⁸

Григорьев, как известно, упрекал братьев Достоевских в прекло-нении перед «Современником». Как видим, широкая демократическая программа руководителей «Времени» не отвергала тогда и такого союзника, как писаревское «Русское слово». В свою очередь «Русское слово» благодаря Крестовскому в какие-то моменты становилось очевидным союзником «Времени», особенно ведущего его автора — Ф. М. Достоевского.¹⁹ Так, в третьем номере «Русского слова» 1861 г. в статье Крестовского «Стихотворения А. Н. Плещеева», написанной остро и непринужденно, развивались принципиальные идеи статьи Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве» («Время», 1861, № 2). «Мы вообще далеки от всякого строгого ограничения поэзии. — писал здесь Крестовский. — Мы равно не согласны с „Современником“, который пропагандирует идею поэзии как служения исключительно делу сегодняшних насущных нужд и ран общественных, как не со-гласны и с адептами „искусства для искусства“, ратующими за то, что поэзия отнюдь не должна спускаться в сферы вседневных по-требностей, а должна жить в холодной и высшей области „беспечаль-

¹⁷ Григорьев Аполлон. Воспоминания. Л., 1980. С. 310.

¹⁸ Еще в 23 апреля 1860 г. — ко времени зарождения взаимной симпатии между Достоевским и Крестовским — относятся копьевские стихи и рисунок Крестовского на тему «Христос и Магдалина» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1331, л. 7). Достоевский, можно предположить, снисходительно отнесся к этим шалостям своего молодого друга, к его, как бы сейчас сказали, амбивалентности (одновременно Крестовский писал «гражданские» стихи о Христе).

¹⁹ Чему, конечно, способствовала и некоторая близость к редакции «Времени» Г. Е. Влагосветлова, сохранившаяся даже позднее, во времена раскола. Можно говорить и о некотором тяготении к почвенничеству в 1861 г. самого Пи-сарева (см. его полемику с Добролюбовым по поводу «обломовщины»: Писа-рев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 210).

¹³ Рус. слово. 1861. № 1. Отд. 2. С. 65 (подпись: В. К—ский).

¹⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 260.

¹⁵ Рус. слово. 1861. № 1. Отд. 2. С. 73—74.

¹⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 274.

ного созерцания" <...> И то и другое узко <...> Поэзия есть жизнь...».²⁰ Любопытно, что и здесь Крестовский не преминул обратиться к тому же примеру, что и Достоевский, — к стихотворению Фета «Шепот, робкое дыханье...», которое он признал столь же васушно-необходимым современному человеку, как и «железное слово» Некрасова.

Последовавшая вскоре статья Крестовского о поэзии Некрасова двойне интересна, потому что, с одной стороны, выражала позицию «Русского слова», а с другой, если исходить из перечисленных выше прецедентов (их число можно умножить²¹). — послала в себе какие-то суждения Достоевского. Их тем более важно выявить, что других свидетельств отношения Достоевского к поэзии Некрасова в 60-е гг. очень мало.

Статья Крестовского «Стихотворения И. Некрасова» — одна из первых в критике попытки определить место поэта в русской литературе и основной пафос его поэзии. «Сам Некрасов более всего склонен видеть в себе сатирика, и только сатирика. Мы думаем совершенно наоборот: сатирик-то он меньше всего, — он поэт, крепко приросший к почве русской жизни, поэт, сросшийся с нею до того, что <...> каждая ее рана, боль и скорбь есть его рана и скорбь».²² Близко к позднему (1873 г.) высказыванию Достоевского (21, 32—33) восхищение Крестовского эпизодом самоспасения, странничества героя стихотворения «Влас». Способность Некрасова обостренно воспринимать человеческие драмы и сопереживать им позволяет ему, как пишет Крестовский, «проникать в самую глубокую сущность народной жизни со стороны ее <...> затаенных, незримых страданий».²³ Это качество выделяет поэта на фоне всей современной поэзии, придает особый колорит его народности. Так, в сравнении с ним народность Мей имеет «археологический» характер. «Читая Мей, вы можете эстетически наслаждаться; читая Некрасова, вы будете страдать».²⁴ Впервые высказанное в русской критике В. Крестовским, это глубокое суждение явно навеяно общением критика с Достоевским. Позднее, в январском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» 1877 г., Достоевский наконец сам сформулировал свое понимание родственной ему природы «страстного к страданиям поэта» (25, 31). Крестовский и здесь, по своему обыкновению, забегал вперед и снял сливки, эта его способность легко заражаться и загораться чужими мнениями, очевидно, не раздражала снисходительного к нему Достоевского. Вопрос же об авторстве, приоритете, очевидно, и не

вставал в кружке «Времени». Обилие идей, вырабатываемых «генератором» кружка Ф. М. Достоевским, его щедрость питали тогда не одного Крестовского. Следует также иметь в виду специфическую коллективную кружковую идейную «лабораторию».

Общий вывод Крестовского созвучен позднейшим (в «Дневнике писателя») суждениям Достоевского о «новом слове» Некрасова: «Настанет новый период нашего социального бытия, выработает общественная жизнь для себя новые, новые формы и иное содержание, тогда выработает она и новое выражение для себя, и нового поэта, который, быть может, скажет тогда свое новое слово. А пока у нее, у этой жизни, остается только Некрасов неуклонным выразителем ее грустных проявлений».²⁵

Статья Крестовского позволяет хотя бы предположительно восстановить некоторые моменты задумывавшегося тогда выступления Достоевского о поэзии Некрасова.²⁶ Она — лишнее свидетельство в пользу того, что, хотя такое выступление тогда и не состоялось, многие принципиальные идеи, изложенные лишь после смерти поэта, складывались у Достоевского еще в 1861 г.

* * *

Судя по всему, 1861 год — время наибольшей близости Крестовского и Достоевского, когда первый с искренней и горячей преданностью стал адептом и конфидентом второго, его верным оруженосцем. Как ни оценивать этот факт, мы должны быть благодарны Крестовскому, донесшему до нас мысли великого писателя, истоки позднейших идей и образов, которые без его посредничества навсегда остались бы в неизвестной нам «устной» творческой лаборатории Достоевского.

Отзвуки общения с Достоевским мы находим не только в критических статьях Крестовского, но и в его художественных произведениях того же 1861 г.

В первом номере «Светоча» за 1861 г. напечатан рассказ Крестовского «Беседа» с посвящением Ф. М. Достоевскому. Первая глава — подробная характеристика героя, помещика Адагурова, судьба которого несколько напоминает историю Лаврецкого («Дворянское гнездо» И. С. Тургенева). Он также «уехал скитаться за границу» (обратим внимание на словоупотребление, столь значимое для Достоевского), но затем вернулся в родовую вотчину, где по соседству живут его дальние родственники: впоследствии их дочь, разумеется, обратит на себя внимание героя. Адагуров многими чертами напоминает самого Крестовского, каким он предстает в воспоминаниях современников. Правда, перед нами как бы очищенный Крестовский, каким он хотел бы — не без свойственной ему рисовки — выглядеть в гла-

²⁰ Там же. С. 74.

²¹ 9 июля 1862 г. М. М. Достоевский писал брату: «А. Григорьев захотел непременно написать критику о Некрасове. С пожеланием дал ему писать о нем. Я знаю, что это одиан на твоих сюжетов. Но печего было делать» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 537).

²⁰ Рус. слово. 1861. № 3. Отд. 2. С. 70—71.

²¹ Отметим лишь, что одновременно с Достоевским («Образцы чистосердечия» — «Время». 1861. № 3) Крестовский выступил против «безобразного поступка» «Века» и так же, как публицист «Времени», возмутился предположением, что «стихи Пушкина безразличны и грязны» («Рус. слово». 1861. № 3. Отд. 2. С. 41). Основные положения статьи Достоевского «Рассказы Н. В. Успенского» («Время». 1861. № 12) излагались в одноименной статье Крестовского («Рус. слово». 1862. № 1).

²² Рус. слово. 1861. № 12. Отд. 2. С. 73.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 63.

зах Достоевского. (Стремление понравиться ему видим мы, например, в словах: «Печориных он не любит и всегда очень злобно трупит над ними».) Смеем предположить, что перед нами Крестовский, каким его видел тогда Достоевский, каким он его полюбил.

«Эгоизма в нем нет, кажись, ни на каплю: это бесконечная доброта, иногда переходящая, как замечали, даже во что-то бабье. Еще вот что замечали в нем: с ним невозможно хандрить или злиться — он умеет всякую хандру, всякую желчь парализовать своею светлою, добродушно-прямою натурою — с ним легко и хорошо живет. Это человек жизни, — жизни везде и повсюду, как бы она ни проявлялась <...>, наслаждаться жизнью тоже умеет, только — странное дело! — это несколько не ослабило, не растратило, не измяло его <...>».

Этот человек — артист по натуре <...> При всех этих достоинствах это была самая безалаберная и самая благородная личность, какую я только знал.²⁷

Плод общения Крестовского с Достоевским — центральный женский образ повести «Бесенок» Женни Дельсар, «эксцентрическая натура», в которой повествователь наблюдает просыпающуюся женщину (ей четырнадцать лет). Она «вся — вибрация жизни, вся — энергия, вся — нервы, самые тонкие, самые раздражительные и грациозно-капризные нервы!». «Она бессознательно и сама того не зная и не догадываясь, быть может, любила Адагурова — не оттого ли она так и мучила его?». Женни, как нам представляется, первый и несовершенный набросок характера Нелли из «Униженных и оскорбленных». О любви своевольной девочки к Ивану Петровичу рассказано в первых главах четвертой части «Униженных и оскорбленных», печатавшихся в майском номере «Времени» 1864 г. Очевидно, этот сюжет уже был продуман Достоевским в конце 1860 г. и тогда же «проговаривался» им в кружке близких людей, откуда и был перенесен Крестовским в свою повесть.

Можно лишь догадываться, почему через год в издании «Сочинений» (СПб., 1862) Крестовский снял посвящение Достоевскому в повести «Бесенок». Отношения писателей были тогда еще весьма дружеские. Другие посвящения в этом издании (А. А. Григорьеву — былина «Про Степана Разина Тимофеевича», Н. И. Урывкову — рассказ «Погибшее, по милое создание») были сохранены. Остается предположить, что сам Достоевский был не удовлетворен разработкой подсказанного им сюжета, и посвящение, намекавшее на его истоки, было снято именно по его, Достоевского, желанию.²⁸

Тип Нелли, как видно, продолжал волновать воображение Крестовского, и вскоре он создал новую версию этого характера, на сей

²⁷ Очень похожую, умеренно-критичную, а больше все-таки рекламную самохарактеристику дает Крестовский, выводя себя в эпизодическом герое К* в повести «Не первый и не последний».

²⁸ Можно предположить, что другим отзвуком этого мотива, а возможно, и реакцией Достоевского на «чувственную» версию Крестовского, был эпизод с Матрешей в «Исповеди Ставрогина». Напомню, что Матреша, как и Женни Дельсар, четырнадцать лет.

раз целомудренную, в поэме «Весенняя смерть» («Русское слово», 1861. № 10).²⁹ Муки голода, нищеты, унижений преследуют нищего скриача (некоторыми подробностями его история напоминает судьбу Ефимова из «Неточки Незвановой») и его дочь Маню. Член их маленькой семьи и единственный друг Мани — собака Азорка. Однажды, когда отцу стало совсем плохо, Маня выбегает на улицу и умоляет прохожих спасти его. Лишь какой-то студент, проходя мимо, отдал свой последний рубль. Крестовский далее рисует сцену, кажущуюся почти цитатой из «Униженных и оскорбленных», а в чем-то предваряющую сходный эпизод в будущем романе Достоевского «Преступление и наказание»:

И вдруг, на миг забывши муку,
Не веря с радости глазам,
Она подавшую ей руку
Схватила крепко и к губам
Ее прижала что есть мочи.

Провзвительно-жалостные подробности «весенней смерти» Мани также близки соответствующим эпизодам прощания с Нелли в «Униженных и оскорбленных». В романе «Петербургские труппы» (1864—1866) тема детских страданий в последний раз отзовется той школой Достоевского, которую прошел Крестовский. Более он к этой теме не возвратится.

Сюжетные ситуации «Униженных и оскорбленных» узнаются в комедии Крестовского «Завидная доля», запрещенной цензором 31 января 1862 г. за «отвратительные и возмутительные сцены».³⁰ Дочь ростовщика, обольщенная «светским молодым человеком» Верещанским, крадет у отца 25 тысяч рублей. Изгнанная и проклятая отцом, она вынуждена продавать себя. Сцена смерти в больнице другой героини, обольщенной тем же Верещанским и также покинутой родителями, удваивает основную сюжетную ситуацию точно так же, как линия Наташи удваивает историю матери Нелли. Заимствуя сюжетные ситуации и общий композиционный прием («параллелизм» историй), Крестовский заметно мелодраматизирует их и вносит элемент бульварщины.

Школа Достоевского обнаруживает себя еще более в тех элементах психологического анализа, которые в 1861 г. появляются в прозе Крестовского. Особенный интерес представляет с этой точки зрения его повесть «Не первый и не последний». Она вводит нас в творческую лабораторию — опять же «устную» — другого произведения Достоевского, «Записок из подполья» (1864). Порядочный временной отрыв повести Крестовского от повести Достоевского говорит о том, сколь долго вынашивалась эта вещь, поворотная для Достоевского.

²⁹ Близость ее к роману «Униженные и оскорбленные» впервые отметил (иронически) Д. Минаев в статье о Крестовском «На все отозвался, ни до чего не договорился» («Рус. слово», 1863. № 1).

³⁰ ЦГИА, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 39, л. 16—16 об. От пьесы осталось, по-видимому, лишь это, хотя и достаточно подробное, описание цензора.

Написанная в форме «неоконченных записок студента», повесть Крестовского — как бы среднее звено между «Дневником лишнего человека» Тургенева и названной повестью Достоевского. Не только отдельные эпизоды (скажем, сцена объяснения героя с Наденькой) приближают Крестовского к повести Достоевского. Сходен беспощадный, как бы многоступенчатый самоанализ героя, не останавливающийся перед саморазоблачением.

«Значит, можно сделать самую страшную, самую вопиющую подлость, сознать ее и после еще преспокойно, с благородным негодованием, анализировать себя в этой подлости и свысока *трактовать* о ней, и о долге, и об общем благе трактовать, пожалуй?»³¹

Обнаруживая подобным самоанализом незаурядную интеллектуальность, герой Крестовского в то же время абсолютно бессилен как субъект воли, как деятель. Нравственное понимание, осознание не переходит в нравственный поступок, у него «сил нет бороться с самим собою».

Двойная психология приводит героя Крестовского к двойной морали. Он, как впоследствии «подпольный», оказывается нравственно ниже, чем когда-то «смешенная» им Наденька. Правда, Крестовский в отличие уже от Достоевского относится к своему герою куданисходительнее. Потому, вероятно, и не достигает он того высокого накала трагизма, сознания душевной опустошенности, краха нравственно неакцентированной личности.

Интерес к двойной психологии проявляется у Крестовского в заметках в его записной книжке периода работы над «Петербуржскими трущобами».³² В позднейшей прозе, в частности в романах Крестовского,³³ мы не найдем подобных психологических «сложностей»; автор их будет предпочитать ходы более простые и ясные, психологическая жизнь его героев однозначна и достаточно примитивна. Восприимчивая, реактивная натура Крестовского была в то же время неглубокой; уроки Достоевского выветривались так же быстро, как усваивались когда-то.

В 1862—1863 гг. в прозе Крестовского произошел поворот к физиологическому очерку, сатирическим и фельетонным жанрам. Зависимость от Достоевского в этих, по большей части мелкотравчатых сочинениях уменьшается, но в ряде случаев он привычно следует в фарватере тем и мотивов своего наставника. Так, в рассказе «Петербуржские вечера» («Оса», 1863, № 26—28, 26 октября—9 ноября) описывается «конфузная» ситуация, совпадающая в некоторых основных моментах с сюжетом «Скверного анекдота» («Время», 1862, № 11). Крестовский расставляет иные акценты: в комическом виде

³¹ Рус. мир, 1861, № 44, С. 752.

³² См.: ИРЛИ, ф. 129, № 2. В настоящей статье, ограниченной объемом, мы вынуждены опустить большой и серьезный вопрос об этой записной книжке, отразившей ряд важнейших моментов творческого взаимодействия двух писателей.

³³ «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874), «Тьма Египетская» (1888), «Тамара Вендавид» (1889—1890), «Горькество Ваала» (1891).

им представлена прежде всего семья чиновника, принимающая в гости высокого покровителя. Случившийся же неизбежный конфуз обнаруживает жалкие потуги маленьких людей быть не хуже других.

К 1862—1863 гг. следует отнести начало работы Крестовского над романом «Петербуржские трущобы», ставшим вершиной его творчества. Произведение это бесспорно ориентировано на традицию, идущую от Э. Сю («Парижские тайны»), а также В. Гюго («Отверженные»). Не исключено, что интерес к этим двум писателям возник у Крестовского не без влияния Достоевского.³⁴ Общее направление будущего романа как будто подсказано автором «Петербуржских сновидений в стихах и прозе» («Время», 1861, № 1): «... я бы пожелал обратиться в Эжена Сю, чтоб описывать петербургские тайны» (19, 68). Замысел «Петербуржских трущоб» рождался при несомненном творческом взаимодействии автора с двумя близкими ему в этот период писателями: Достоевским и Помяловским. Последний вынашивал, как известно, идею масштабной физиологии петербургского «дна», Достоевский же прикоснулся к этому материалу еще в «Униженных и оскорбленных». На скрещении различных влияний (Сю, Гюго, Достоевский, Помяловский) родилось произведение весьма неоднозначное. В нашу задачу не входит общая оценка указанного романа, отметим лишь моменты сближения и расхождения с Достоевским.

В общем построении одной из важнейших сюжетных линий — истории «цивилизованного развратника» князя Шакурского и его внебрачной дочери Маши Поветной, погибающей в нищете, — угадываются очертания судьбы Нелли, дочери князя Валковского из «Униженных и оскорбленных». «Петербуржский роман» Достоевского, кроме того, предшествует произведению Крестовского в эпизодах, где приоткрывается перед читателем мир петербургских мошенников, сводней, развратников. Этот мир «дна», рисуемый Достоевским немногими, но сильными мазками, буквально захлестнет роман Крестовского.

Лучшие страницы «Петербуржских трущоб» те, на которых без утрировки, без экзотики уродств и безобразий, переполнивших эту «физиологическую» эпопею, с горькой простотой рассказывается о мучительных страданиях голодных, бесприютных людей. Так, близкий Достоевскому критик, которому принадлежит, пожалуй, лучший и объективный разбор романа, утверждал даже, что главы о тюремной жизни «не бледнеют и при сравнении с „Мертвым домом“ Достоевского».³⁵ Следует уточнить: «тюремные» страницы Крестовского действительно выделяются строгой простотой и сдержанностью посреди аффектированных описаний соседних глав (например, о поч-

³⁴ Ср., например, с известными высказываниями Достоевского о Гюго восторженный отклик Крестовского на роман «Отверженные» в фельетоне журнала «Модный магазин» (1862 №. 11).

³⁵ Соловьев П. И. Два романиста // Всемирный труд, 1867, № 12, С. 45 (второй пагинации).

лежках и притонах) очевидно, и потому, что Крестовский в данном случае следовал за Достоевским.³⁶

Выдерживает Крестовский заданный тон и в последующих главах, где рассказано о медленном умирании выпущенного из тюрьмы Ивана Вересова от голода посреди холодного громадного Петербурга. Ему, по словам героя Достоевского, «некуда идти». Связь с романом «Преступление и наказание» становится более очевидной в главе VIII пятой части «Ночлежники в пустой барке», где судьба сводит героя с его несташной сестрой, Машей Поветливой, для которой единственная возможность не умереть от голода — продавать себя. Герои Крестовского едва не замерзают в пустой сеной барке. Эта глава печаталась в «Отечественных записках» в апреле 1866 г., когда Крестовский уже мог прочесть в «Преступлении и наказании» в журнале «Русский вестник» (1866, январь) сцену трактирного «бунта» Мармеладова,³⁷ его слова о разнице между бедностью и нищетой, его вопрос: «... изволили вы ночевать на Пове, на сених барках?» (6, 13).

Есть много рода «пересечения» двух романов, когда уже Достоевский — вольно или невольно — следовал за Крестовским. Так, например, закладчик Кох, появляющийся в первой части «Преступления и наказания», недавно уже действовал на страницах «Петербургских трущоб» (ч. 3, гл. VII). В главе X третьей части (январский номер «Отечественных записок» 1865 г.) мазурик Гречка рассказывает, как он ходил высматривать квартиру ростовщика, которого задумал убить и ограбить, и встретил идущую от него плачущую женщину. Будущий грабитель остро реагирует на чужое страдание и тем оправдывает задуманное преступление: женщина «рыдает, просто сердцу невтерпех. . . Ах ты иссира, думаю, старая! при древности-то лет да народ эдак-то грабить! И столь мне это стало обидно, что, думаю себе, не будет же тебе, голубчику, спуску!»³⁸ Этот «достоевский» эпизод, впрочем, остался мимолетным в романе Крестовского. Автор готов объяснить большинство преступлений «экономическими и социальными условиями быта», либо «психиатрически-врожденной наклонностью», «страстным порывом», либо просто «негодяйством» богатых развратников.³⁹

Близость «Петербургских трущоб» «городским» романам Достоевского в общем колоритно-изображения, в отдельных мотивах и дета-

³⁶ Крестовский привел любопытный факт: один из встреченных им арестантов читал по памяти «целый отрывок из „Мертвого дома“ Ф. Достоевского» (*Крестовский В. В. Петербургские трущобы*. М.: Л., 1935. Т. 1. С. 650).

³⁷ Эта сцена имеет прологизод в рассказе Крестовского (одном из лучших у него) «Вечный дежурный» («Оса», 1863, 19 окт. № 25): запущенная «сеневая личность» в трактире «заникала отчасти в половых», на что те отвечали презрением. Тогда-то «он обратился к нам в несколько официальном тоне: позвольте излить . . . за оказанную честь . . . Я это чувствую и понимать могу . . . Позвольте представиться: титулярный советник Марк Марков Щучка . . . в преклопных летах — бродягой очутился. . . Ну что! говорят, это насекомое, — насекомому много ли нужно?» — И я не роптал, видит бог, не роптал на это». Герой Крестовского ожидает конец господина Голядкина, когда он начинает заговариваться: «. . . асида побори и василиска в прешнопдьял пизвергий!».

³⁸ *Крестовский В. В. Петербургские трущобы*. Т. 1. С. 433.

³⁹ Там же. Т. 2. М.: Л., 1936. С. 243.

лях убывала по мере «затягивания» Крестовским своего романа (печатался более двух лет) и непомерного разрастания авантюрно-бульварного начала. Колебалось и отношение Достоевского к этому роману. Вначале, прочтя отрывок «Ерши», напечатанный братом в «Эпохе» (1864, № 1—2), Достоевский поставил его в ряд лучших материалов номера, очевидно, оценив его так же, как и напечатанный по соседству очерк Горского: «. . . это совсем не литература < . . . >, а просто факты и полезные» (28, 73). Достоевский не прочь был напечатать в «Эпохе» и весь роман Крестовского; об этом говорит заметка в его записной книжке от 24 августа 1864 г.: «О повести Крестовского» (27, 94). Очевидно, Достоевский планировал договориться о «Петербургских трущобах», никакой другой «повести» Крестовский, весь поглощенный работой над громадным произведением, не писал. По свидетельству Н. И. Соловьева, описание мошеннического трактира в отрывке «Ерши» «обратило на себя всеобщее внимание».⁴⁰ Роман был найдеткой для падающей «Эпохи», но был отдан автором в «Отечественные записки». Вот что писал об этом Н. Ф. Бунаков: «Я помню, как Достоевский упрекал самого себя, что упустил из „Эпохи“ такое сокровище, как „Петербургские трущобы“ Всеволода Крестовского, которые привлекали массу подписчиков к „Отечественным запискам“ Краевского. Отрывок из этого романа был напечатан в „Эпохе“ («Ерши»), в нее попал бы и весь этот роман, к ней, по мнению Достоевского, направился бы и прилив подписчиков, если бы редакция не постереглась рискнуть тем гонораром, который предложил автору такой многоопытный в журнальном деле человек, как Краевский. По редакция „Эпохи“ не ожидала, чтобы такое трущобное произведение способно было поддерживать умирающий журнал, а денежные средства ее были таковы, что рисковать не приходилось».⁴¹ Объяснение Бунакова противоречиво, по, думается, оно отражает колебания Достоевского относительно «Петербургских трущоб».

О том, что роман первоначально не предназначался для «Отечественных записок» и был отдан туда внезапно, даже в спешке, говорит следующий курьезный факт. В одной из глав Крестовский прощически прошелся насчет Краевского (вполне в традициях журналистики Достоевского); отдавая рукопись в журнал того же Краевского, он об этом не вспомнил, и очень скоро, 5 декабря 1864 г., ему пришлось давать путаные объяснения и извиняться в письме к Краевскому.⁴²

Эпизод с «Петербургскими трущобами» способствовал резкому охлаждению в отношениях двух писателей. Намек на Крестовского видится нам в наброске памфлета на Краевского: «Серебром лишь побряцал он < . . . > он действовал кредитками < . . . > хруст и шелест, который способен перевернуть иное литературное сердце к стопам каких угодно убежденных» (20, 183).

⁴⁰ Всемирный труд, 1867, № 12. С. 44 (второй пагинация).

⁴¹ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909. С. 60—61.

⁴² ГПБ, ф. 391, № 458, л. 3.

О «флюгерстве» «одаренного» Крестовского Достоевский еще совсем недавно читал в статье А. А. Григорьева («О борзописании ради печатного листа. . .»). Под именем Гребешкова Григорьев не только описал литературную судьбу Крестовского (намек здесь вполне однозначны), но и с прямолинейной откровенностью поставил вопрос о возможном падении писателя: «Товар, которым он торгует, — не прочный товар, не такой, который сам по себе имеет значение, а товар — модный; переменится мода — бедный Гребешков должен выделывать новый товар — и, главное, если он хочет есть у Дюссо и петербургскими канканами наслаждаться — то забудь он навсегда, что совесть на свете есть, не добивайся он от себя правды и искренности. Потому: как только станет он этих опасных фурий на дне души отыскивать, тогда ему есть будет нечего».⁴³ Обращаясь далее к Гребешкову (Крестовскому), Григорьев пробует устыдить его: «. . . думаешь, что Тургенев, Островский, Ф. Достоевский, Л. Толстой от того так мало пинут, что в деньгах не пуждаются? Кто в них не нуждается? А совесть у людей есть, вот что — уважение к себе и к своему делу как к честному художническому делу не подорвано. . .».

Борзописание ради денег, «разврат ума», как пророчески угадал Ап. Григорьев, сказались уже в процессе создания «Петербургских трущоб»: на втором году печатания Крестовский начал эксплуатировать найденную золотую жилу, последняя часть романа была настолько бессодержательной, что коммерческий смысл ее обнажился вполне.⁴⁴

В этом литературном и «редакционном» контексте понятна безжалостная, даже через край, статья «Всякому по плечу» о «Петербургских трущобах» («Эпоха», 1865, № 2), принадлежащая перу Д. Аверкиева, но несомненно написанная при поддержке, а может быть, и участии, прямом или косвенном, фактического редактора журнала.⁴⁵ Во всяком случае ясно, что Аверкиев применил к Крестовскому те же критерии художественности, что были предложены Достоевским в недавних статьях «Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год» и «Рассказы Н. В. Успенского». Выступая против «калькирования природы» в романе, Аверкиев выдвинул исходный тезис вполне в духе эстетической программы Достоевского: «. . . не в наблюдаемом, а в наблюдателе сила».⁴⁶ Крестовский с этой точки зрения представляет собою тип «художника-муравья», загромодившего свое произведение множеством ненужных подробностей: «. . . не он владеет материалом, а материал им владеет».⁴⁷

⁴³ Якорь. 1864. 1 янв. № 1. С. 11.

⁴⁴ По повелению цензуры, Крестовский с мая по полбрь 1866 г. диктовал свой роман стенографу. Возможно, этот прецедент сыграл свою роль в известном решении Достоевского в начале октября 1866 г. обратиться к помощи стенографа.

⁴⁵ «Некоторые из таинственных статей, — писал об «Эпохе» Аверкиев, — обозначенных моим именем, были написаны при ближайшем сотрудничестве Достоевского» (Аверкиев Д. В. Дневник писателя. 1885. Январь. СПб., 1885. С. 3). Это «сотрудничество» в данном случае было тем более необходимым, что речь шла о весьма щепетильном и принципиальном вопросе: размежевании с недавним сотрудником.

⁴⁶ Эпоха. 1865. № 2. С. 12 (отдельной пагинации).

⁴⁷ Там же. С. 13.

Суровый приговор был вынесен критиком «Эпохи». Достоевский как редактор (не исключено, что и вдохновитель этой статьи) поставил под ним свою подпись. Приговор был окончательный: Достоевский, судя по всему, не изменил этого мнения о бывшем приятеле до конца жизни.

«Всякий истинный художник прежде всего стремится выразить самого себя, святую свитых своей души. Если внутри человека нет ничего, что бы он мог сказать другим людям, если в нем не сосредоточены силы, а напротив, он сам свое достоинство полагает в том, что в состоянии заметить мелочи, и одни только мелочи, и чем больше, тем лучше, — то лучше такому человеку оставить в покое искусство».⁴⁸

Момент и непосредственные мотивы разрыва Достоевского с Крестовским можно установить лишь приблизительно.

В 1863 г. Крестовский активно сотрудничает в «Якоре» Ап. Григорьева, выступает с антивигилистическими стихами и фельетонами. Переворот, в нем происшедший, разлад с «Искрой» и «Русским словом» как будто бы делал его в сложной общественной ситуации единомышленником Достоевского. В октябре—декабре 1863 г. Крестовский составлял сатирическое приложение «Оса» к журналу «Якорь». Сделал он попытку привлечь к изданию и Достоевского как пародиста. Об этом свидетельствует его стихотворное послание (на бланке «Осы») 2 ноября 1863 г., отражающее характер отношений на тот момент.⁴⁹

Далее события развивались так.

В первом едином номере «Эпохи» 1864 г. (цензурное разрешение 20 марта), где напечатан отрывок «Ерши», появилась статья Ап. Григорьева «Шо возобновлении в первый раз». В частности, речь заходит о дебюте молодой актрисы М. В. Крестовской (жены писателя) на сцене Александринского театра, о теплом приеме публикой и холодном — рецензентами. «Зато через неделю в одном весьма изящно издаваемом листке читаешь ты дичь в другом роде, дичь о каких-то чуть не овалциях, сделанных публикою г-же Крестовской, — дичь, которой разные рыцари плаща и плеча несравненно более могли бы повредить дебютантке, чем критике. . .».⁵⁰ Так жестко и справедливо Григорьев поставил на место. . . В. В. Крестовского, ибо именно он, прикрывшись псевдонимом «Рыцарь стеклышка и плеча», давал безудержно-хвалесбные рекламные отзывы о выступлениях актрисы («Модный магазин». 1864. № 2, 3).

В том же едином номере «Эпохи» напечатана «фантазия» И. С. Тургенева «Призраки». В одном из эпизодов девица с папироской во рту «благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших Ювеналов».⁵¹ В черновом и беловом автографах

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГБЛ, ф. 93. II. 5. 145, л. 5.

⁵⁰ Эпоха. 1864. № 1—2. С. 463.

⁵¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 105. Любопытно, что Аверкиев в указанной выше статье называет Крестовского «грошовым Ювеналом».

названо имя Вс. Крестовского.⁵² Вероятно, по предложению редакции оно было вычеркнуто в корректуре.

24 августа — запись Достоевского «О повести Крестовского» (см. выше).

26 августа 1864 г. — письмо Крестовского к Достоевскому с просьбой выплатить долг за «Ерши».

26 сентября 1864 г. — Крестовский вместе с Достоевским, Аверкиевым и другими на похоронах А. А. Григорьева. Он участвует в товарищеской складчине, давшей средства на похороны (правда, так сказать, безналично — в счет еще не выплаченного гонорара за «Ерши»).

13 ноября 1864 г. — цензурное разрешение октябрянского номера «Отечественных записок», где начал печататься роман «Петербургские труппы».

28 ноября 1864 г. вышел в свет девятый номер «Эпохи», где Страхов напечатал письмо к нему А. А. Григорьева с резкой характеристикой Крестовского. Большую часть этой характеристики редакция сократила, но остался довольно едкий намек: «Впрочем, и хорошо, коли мой молодой орленок (К. Случевский. — В. В.) не сделает ничего, ровно ничего. Это ведь лучше, чем сделаться В. . . К. . .».⁵³ В предыдущем письме Григорьев запрашивал сведения о Мее, Крестовском и Случевском, так что инициалы легко расшифровывались читателями журнала.

7 декабря 1864 г. — сухое, деловое письмо Крестовского к Достоевскому с расчетами и нетерпеливой просьбой поскорее выплатить остаток долга за «Ерши».⁵⁴

23 января 1865 г. «Петербургский листок», в котором Крестовский активно сотрудничает, расхваливает «Петербургские труппы»: «Он положительно первый открыл нам этот темный и глухой мир петербургского пролетариата».

28 февраля та же газета заявляет, что автор «Петербургских трупп» «в истории нашей литературы станет все-таки выше всех создателей мертвых и тому подобных домов и конур».

9 марта в той же газете — письмо Крестовского к редактору: «. . . позвольте мне отклонить, от своего имени, всякую возможность сопоставления моего романа с „Мертвым домом“, произведением, слишком уважаемым мною и добытым слишком дороговатою ценою от жизни».

Очевидно, это письмо Крестовского опоздало, оно уже не могло остановить или хотя бы смягчить того разгрома, который был устроен ему в февральском номере «Эпохи» (цензурное разрешение 13 марта 1865 г.) в указанной выше статье Аверкиева. В другой своей статье в том же номере Аверкиев, объединяя Крестовского с Минаевым, чуть обнажает один из мотивов разрыва: «Пора бы давно прихлопнуть всю эту пустошь и мелочь. Уж очень они величаться стали».⁵⁵

⁵² Там же. С. 387.

⁵³ Эпоха. 1864. № 9. С. 15 (отдельной пагинация).

⁵⁴ ГБЛ, ф. 93. II. 5. 145, л. 9.

⁵⁵ Эпоха. 1865. № 2. С. 29 («Текущая литература»).

* * *

Картина непростых и меняющихся взаимоотношений не будет полной, если не представить эволюцию Достоевского в отношении к поэзии Крестовского. В своих воспоминаниях А. П. Милюков говорит об увлечении только что вернувшегося из ссылки писателя стихами молодого поэта.⁵⁶ Следует сразу же уточнить, что при всей дружеской привязанности Достоевский не постулировал критериями художественной ценности. Так, к 1861 г., т. е. ко времени самой душевной близости, отослится замысел, сформулированный в записной книжке Достоевского следующим образом: «Поэтики Всеволод Крестовский, Д. Минаев, Николай Курочкин и проч.» (20, 168). Столь жесткая, надгрупповая принципиальность (ср. указанные выше публичные выговоры «Эпохи» своему автору), наверное, не раз заставляла поживать Крестовского.

Симпатии Достоевского (как, параллельно, и А. А. Григорьева) вызывала женственно-впечатлительная, переимчивая поэтическая натура Крестовского. Одновременно с «некрасовскими» стихами он мог писать и в духе чистого фетовского лиризма — таков цикл «Весенние ночи», восхищавший Достоевского, по свидетельству Милюкова. Весьма широкий по своим привязанностям, Крестовский брал поэтические уроки также у Мее и Майкова.

По воспоминанию того же Милюкова, Достоевскому особенно нравилось стихотворение «Солимская гетера», которое он «просил не раз повторить» автора, искусного декламатора. Оно было потом напечатано в 1861 г. в первом программном номере журнала «Время», а еще через два года писатель по памяти процитирует его в одной из статей (20, 84). Не исключено, что рассказ о грешнице, покаявшейся соблазнить святого, но склонившейся перед величием его смирения, мог быть навеян общением поэта с Достоевским. В стихотворении Крестовского можно увидеть зародыш некоторых ситуаций будущих романов писателя: Мышкин—Настасья Филипповна и особенно Алеша Карамазов—Грушенька (глава «Луковка»).

Начиная с сентября 1860 г. Крестовский печатает стихи из цикла «Испанские мотивы», принесшие ему наибольшую известность. В сатирической журналистике очень скоро ему присвоит имя Всеволода Клубничкина, будут сравнивать с Барковым (особенно преуспеет в обличениях его бывший соратник по «Светочу», «Искре» и «Русскому слову» Д. Д. Минаев). Быстрый переход от невинной лирики «Весенних ночей» и романсов к любовным стихам, разжигающим уголек в крови (по выражению Свидригайлова), совершался во многом в погоне за популярностью, до которой Крестовский был падок. Следует также учитывать и то обстоятельство, что радикально настроенная молодежь 60-х гг. эмансипацию плоти воспринимала как естественную часть эмансипации общества.

Раскрепощенность этого рода поразила Н. Н. Страхова, когда он вступил в кружок Достоевского.⁵⁷

⁵⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 325—326.

⁵⁷ Там же. С. 273.

Немного позднее, очевидно уже под влиянием сложившейся дурной славы Крестовского, Н. М. Ядринцев обвинил его в развращающем влиянии на Ч. Валиханова, посещавшего кружок.⁵⁸ Поддерживал это обвинение А. С. Долинин, писавший о Крестовском как о человеке, «в основе своей нравственно нечистоплотном».⁵⁹ Думается, что эта оценка по отношению к молодому Крестовскому (кстати, на четыре года моложе Валиханова, который не мог быть перед ним послушным учеником) излишне сурова. Он был скорее человеком без прочного нравственного стержня, чем изначально безнравственным.

Отношение Достоевского к «испанским» стихам Крестовского, судя по всему, было весьма критичным. Из напечатанных во «Времени» в 1861—1863 гг. одиннадцати стихотворений поэта нет ни одного из той жгуче эротической лирики, что прославляла его. Для публикаций в журнале братьев Достоевских были отобраны произведения романсового стиля, баллада «Ванька-ключник» (ставшая затем народной песней), переводы античных поэтов и Гете.⁶⁰ В предисловии к «Зимним заметкам о летних впечатлениях» («Время». 1863. № 2) Достоевский провозвизует по поводу Крестовского как «целца любви, самого убежденного и самого развеселого из русских поэтов», который не потерялся бы даже среди дрезденских женщин: «... усомниться в своем призвании он не мог даже ни при каких обстоятельствах» (5, 47—48).

Пародийное осмысление «испанской» лирики Крестовского Достоевский собирался дать в рассказе «Крокодил». Среди творческих планов («Журнальные споры о крокодиле») находим пункт: «Fandango» (5, 324). Так называлось одно из стихотворений «испанского» цикла Крестовского. Под словами: «Приходил поэт со стеклышком в глазу» (5, 332). — имеется в виду именно Крестовский, известный своим несколько фатовским пристрастием к моноклю⁶¹ (один из его псевдонимов, уже упоминавшийся, — «Рыцарь стеклышка и пледа»). Следующие далее в записной книжке (5, 332—334) стихотворные наброски Достоевского — синтез мотивов или отдельных строк из разных стихотворений Крестовского, не только «испанских».⁶²

⁵⁸ Сиб. вестн. 1866. № 3.

⁵⁹ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 169—170.

⁶⁰ Возможно, отклик на эту позицию «Времени» — апошняя реплика в «Гудке» (1862. № 34): совет лечиться от «impotentiae». Именно в это время Крестовский был активнейшим автором «Гудка».

⁶¹ Крестовский следующим образом описывался, например, в сатирическом этюде «Знакомство с литераторами» под именем поэта Крестикона: «Это был молодой, но уже подержанный человек со стеклышком в глазу, с весьма бойкими и несколько нервными движениями. Оба стихотворения, и „Любовь к мертвой женщине“ и „Припеки мне язык поцелую“, отличались эротическим содержанием...» (Якорь. 1863. 26 окт. № 34. С. 876).

⁶² В академическом издании ошибочно указано, что под названием «Fandango» Крестовский объединил два стихотворения: „Чуть с аккордом двух гитар“ и „В дальней Африке, весной“ (5, 397). «Fandango» — название лишь первого стихотворения.

«Фрина»

Вы жалки мне! И я отныне
Не протяну руки мужчине!
Кириде с вами не служу!

На бреге Нила
Я наскучила мужчиной...

«Гитана»

И бедняге подаишь
Грешным телом подала.

Крокодила я звала,
Грешным телом отдалась.

«Идиализма»

Это он, мой идальго...
<...>
Он придет — и под плац к нему вынесу
Я вдруг,
И не будет конца поцелую!

Всем бы взяли вы, сенора,⁶³
Но, лаская горячо,
Вы хидальгу Никанора
Укусили за плечо.

Поцелуев, объятий его сторука
Я не чую от бешеной страсти...

Правда, это в миг прекрасный,
Это в миг любви и поги страстной,
Но зачем так горячо?

«Я б ушел от вас на берег моря»

Я набрал бы ракушек прибрежных

Между ракушек прибрежных

Пародируя Крестовского, Достоевский использовал некоторые стихи, уже спародированные ранее в сатирической журналистике. Так, «ракушки» Крестовского дважды были осмеяны П. Ломаном в «Искре»,⁶⁴ а мотивы противоположенных страстей обыгрывались в «животном» контексте в «Русском слове» (1863. № 3):

На всех мужчин в родной Гренаде
Я стала зла,
Ах, приведите. Бога ради,
Ко мне козла.

В присамах пародийной полемики многое сближает Достоевского с сатирической журналистикой его времени. Однако пародия на Крестовского, оставшаяся в черновиках, в творчестве Достоевского — лишь ступень к будущим лебядкинским «исповедям» («Бесы»)⁶⁵ В них мы почти не уловим намека на какой-то конкретный повод: пародирование здесь перестает быть собственно пародией, столь обобщен и безусловен ее адресат. Хотя в общей постановке Лебядкина-поэта, движимого демонстративно «благородным», чуть ли не платоническим чувством, но сочиняющего стихи с уличающей его эротической подкладкой, есть нечто общее с двусмысленностью некоторых сочинений Крестовского, также принесших ему известного рода славу. Таков, к примеру, рассказ «Красавица»,⁶⁶ где автор горячо

⁶³ Слово «сенора» шесть раз повторено в пяти четверостишиях «Fandango» Крестовского.

⁶⁴ См.: Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 354, 355.

⁶⁵ Чуть раньше — в набросках к незавершенной повести «Картуз» (11, 42—43).

⁶⁶ Петерб. листок. 1865. № 28—29.

уверяет читателя, что его попытка завязать разговор со случайно встреченной красавицей имела чисто эстетические побуждения, ею почему-то не поняты: «...увидеть во всем этом одно только пошрое уличное пристаиванье, не разглядеть <...> наивно-искреннего и бескорыстного движения — это не шутя меня огорчило. Вот она — жизнь-то и первое прикосновение к ней». Рецензент «Отечественных записок» справедливо возмутился: «Вся эта выписка сочинена не влюбленным писарем, а русским писателем!» (1870. № 3. Отд. II. С. 72). «Драпировка в чужие костюмы»⁶⁷ того же рода явственна в рассказе «Безнравственная девушка» («Рус. мир», 1862. 14 июля. № 27) и др. Двусмысленный эротический подтекст возникает здесь, как позднее в стихах Лебядкина, независимо от благородно-манерных уверений автора-рассказчика в «чистоте» своих помыслов. Крестовский как автор указанных сочинений говорит одно, но проговаривается о другом. Эта-то незапрограммированная комичность ситуации и была, возможно, спародирована в описях Лебядкина.

Недостаток внутреннего такта, как оказалось, — хроническая болезнь Крестовского, позднее подвигавшая его на двусмысленные, а порой просто безнравственные поступки. Очевидно, это также входило в комплекс обстоятельств, приведших к разрыву с ним Достоевского.

* * *

И Достоевский, и Крестовский в переломную ситуацию 60-х гг. как будто бы сделали общий выбор и как будто бы оказались по одну сторону баррикад. Но, странное дело, это не только не сблизило их по сравнению с тем временем, когда Крестовский цеголял своим радикализмом, но, напротив, распались сложившиеся тогда дружеские связи.

В начале 70-х гг. Крестовский, автор антинигилистического романа «Панургово стадо», возобновил свое знакомство с Достоевским, автором «Бесов». 11 февраля 1872 г. они оба приглашены на обед литераторов в Знаменской гостинице в честь М. Н. Каткова, а 17 февраля Крестовский побывал на именинах Достоевского, отмечавшихся в дружеской компании.⁶⁸ Возможно, что до 1875—1876 гг. были и еще редкие встречи. Отзвук их общения этой поры находится в следующем позднейшем воспоминании самого Крестовского. «...Ф. М. Достоевский, по собственному его признанию, однажды мне сделанному, принимался иногда за свои большие вещи (и именно за большие), имея в голове одну только общую идею данного произведения, но без всякой выработки плана, который развивался уже потом, как бы сам собою, из самого произведения, по мере того, как оно писалось. Таким образом было, например, с „Подростком“,

которого дописав почти до середины, автор, по его словам, и сам не знал еще, как и чем закончит».⁶⁹

Возобновленное знакомство и пребывание в одном общественном лагере не исключало для Достоевского резко критического отношения к новому произведению Крестовского, его антинигилистическому роману «Две силы», печатавшемуся в 1874 г. в журнале «Русский вестник». Pamфлетное изображение польского восстания 1863 г. было поддержано охранительной прессой («Русский мир», тот же «Русский вестник»). Особую позицию занял «Гражданин» Ф. М. Достоевского. В «Заметках досужего читателя» некто Павел Павлов (суди по всему, А. У. Поренцкий) писал: «...как-то не любо читать в романах этот польский вопрос в лицах и сценах. Благо был бы он для нас прошедшим, безвозвратно минувшим. Для одних вопрос этот почему-то смешон, для других это открытая, но прикрытая перевязкою рана...».⁷⁰

К первым принадлежал не сомневающийся ни в чем автор «Двух сил». Неубедительным, психологически не мотивированным оказался критику и переворот, пронесший в главного героя романа: «Сила народная, живая, могучая ломит в один как будто миг надутую бреднями душу петербургского либерала-заговорщика». Художественный провал Крестовского автор «Заметок» объяснял установкой писателя на «фотографизм», недомыслием,⁷¹ что заставляет вспомнить претепзии, предьявленные когда-то «Петербуржским трущобам» журналом Достоевского «Эпоха».

Малохудожественность антинигилистического романа Крестовского, истекающая из бессилия авторской мысли, наводила Достоевского на серьезные размышления о нравственном, духовном, интеллектуальном потенциале той консервативной общественной группировки, в которой он оказался сам. (Роман Крестовского в журнальном контексте «Русского вестника» воспринимался в одном ряду с «Бесами».) В записной книжке 1875—1876 гг. находим след этих нелегких размышлений: «Наша консервативная часть общества не менее говенна, чем всякая другая. Сколько подлецов к ней примкнули, Филоновы, Крестовский, поэт, с своей поэмой <...>, грязные в семействе Авсеенки и Крестовского». (24, 67).⁷² Запись эта, в той части, что касается Крестовского, осталась ширококомментирована в Полном собрании сочинений писателя.

О какой «поэме» говорится здесь? Видимо, «Отчего завелись наны на польсье» («Заря. 1870. № 12), другой поэмы после скандально известной и еще более «левой» «Фрины» (1862) Крестовский не написал. В поэме о «панах» дано еще более карикатурное, чем в «Двух силах», изображение «польского вопроса». Глухота поэта к этой нестихающей боли России, необыкновенная легкость, с которой он «решал» трагический для русской истории вопрос в духе не сомно-

⁶⁹ Ист. вестн. 1895. № 3. С. 879 (письмо В. В. Жиркевичу 25 февр. 1892 г.).

⁷⁰ Гражданин. 1874. 4 марта, № 9. С. 275.

⁷¹ Там же. 8 апр. № 13—14. С. 412.

⁷² Публикаторы этой записи в указанном издании неверно раскрыли сокращение Достоевского, надо: «Крестовск<ие>».

⁶⁷ Так о стихах Крестовского писал анонимный рецензент «Голоса» (1863. 25 янв. № 22), недоумевая, зачем его лирический герой предается воспоминаниям детства в публичном доме. Мотив, как видим, близкий одной ситуации в чуть более поздних «Записках из подполья» Достоевского.

⁶⁸ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 200.

вающейся в себе великодержавности, не могли не оттолкнуть Достоевского. Поэма тем не менее была напечатана в журнале «Заря», как будто близком писателю. Данная запись приоткрывает существовавшее у Достоевского глухое недовольство редакционным кружком, в котором Крестовский, кстати говоря, играл не последнюю роль, печатая «очерки из кавалерийской жизни» и «развивая военную часть национальной программы» кружка.⁷³ Еще более скептическим было отношение Достоевского к другому консервативному изданию — к еженедельнику «Русский мир», где Крестовский был ведущим беллетристом.

В указанной выше записи (24, 67) не прокомментированы и слова о «грязных в семействе <...> Крестовских». Запись, судя по контексту, была сделана в 1875 г. 1 апреля того же года в петербургском окружном суде рассматривалось дело о жене Крестовского и отставном поручике Майкове (родственнике А. Н. Майкова), обвиненных в прелюбодеянии. Дело рассматривалось при закрытых дверях, но Достоевскому могло быть известно хотя бы от того же А. Н. Майкова. Впрочем, оно достаточно шумело тогда в петербургском обществе. Было известно, что жалобу в суд подала жена отставного поручика еще осенью 1874 г., но подлинным инициатором процесса был Всеволод Крестовский, давно уже разладивший с семьей и искавший повода для развода.

«Дело» Крестовского имело шумное продолжение, за которым Достоевский внимательно следил. В марте—апреле 1876 г. многие газеты напечатали отчеты о судебном разбирательстве «дела поручика Крестовского, обвиненного в оскорблении действительным присяжного поверенного Соколовского». Оба участника процесса были хорошо знакомы Достоевскому, оба когда-то сотрудничали в журналах «Время» и «Эпоха» (и в какой-то мере были тогда конкурентами: опережая «Петербургские трущобы», Н. М. Соколовский печатал в этих журналах очерки арестантских нравов). На процессе и в газетных отчетах было в этой связи упомянуто и имя самого Достоевского. Суть дела заключалась в том, что Крестовский, обвиненный защитником жены Соколовским в небрежении своими семейными обязанностями (Соколовский зачитал на суде письма Крестовского к жене), явился к нему в дом с двумя свидетелями и, не получив согласия на дуэль, пустил в ход кулаки. Безоговорочно в защиту Крестовского, понесшего легкое наказание, высказались лишь «Русский мир» и «Петербургская газета».⁷⁴ Возобладало объяснение, данное этому поступку защитником Соколовского на суде В. Д. Спасовичем: Крестовский преследовал «восстановление репутации посредством насилия».⁷⁵

В записной книжке Достоевского этого времени есть ряд записей, указывающих, что он хотел высказать свою точку зрения на скандаль-

⁷³ *Аксентьев В.* Кружок. Рассказ по личным воспоминаниям // *Ист. вестн.* 1909. № 5. С. 446.

⁷⁴ В комментариях к т. 24 Полного собрания сочинений Достоевского указан лишь «Русский мир» (24, 456).

⁷⁵ *Нов. время.* 1876. 3 апр. № 35.

ный процесс в «Дневнике писателя». Замысел остался несущественным, но ясно, что Достоевский собирался говорить о нравственной позиции Крестовского, человека и писателя. «Крестовский о чести» (24, 186) — эта запись Достоевского имеет в виду, очевидно, следующие слова из выступления Крестовского на суде: «Я поступил так, как обязан был поступить, иначе я считал бы себя недостойным ни минуты продолжать далее носить эти эполеты. Я обязан защищать их честь, и буду защищать, пока я жив».⁷⁶ В ответ Достоевский набрасывает: «Крестовский. Честь, берущая свое достоинство в слепом соblindении известных наружных форм, а не черпающая его из внутренней потребности души человеческой» (24, 195).

Особенно неприятным для Достоевского еще один смысл прошедшего скандала: защитником узкокорпоративного понятия чести, способным ради ее сохранности унизить достоинство другого человека и проявившим столь злобную агрессивность, был достаточно известный русский писатель. Защищая честь корпорации, он уронил честь русской литературы, исходящей из «внутренней потребности души человеческой», чувства милосердия, органически чуждающейся замкнутой узости и тем более озлобления. Нравственный максимализм и правило «пачни с себя» — вот принципы русской литературы, через которые Крестовский легко переступил. «Я спрошу у Крестовского, у писателя, — подчеркивает Достоевский, — как он не видит, что он кругом виноват. Если и вправду, что его оскорбили, — все-таки виноват?» (там же). С такой — высшей, христианской — точки зрения на «дело» Крестовского посмотрел, пожалуй, лишь один Достоевский.

Речь Крестовского на суде, перепечатанная многими газетами, полная эффектных воззваний к «чести», к «самой заветной святине» русской армии, удивительно согласовывалась с литературными его выступлениями. С 1869 г. он печатал в разных изданиях «очерки кавалерийской жизни», где поставил себе задачей восстановить престиж военных в русском обществе. Так, в рассказе «Буянов — мой сосед» («Заря», 1869. № 4) он реабилитирует тип «грубого бурбопа», умиляясь скандальной личностью своего героя, которую якобы оправдывает обостренное чувство чести. Так, рисуется поучительный эпизод в трактире, где сотрапезник Буянова неосторожно назвал его корпоративную непетительность «смешным донкихотством». «Но едва сказал он это, как сквородка с селянкой полетела в его физиономию. Раздался крик испуга и боли». Автор между тем не наглобует своим героем, который «как ни в чем не бывало» обращается к половому: «Поддай мне новую порцию селянки». С самим Крестовским в этом рассказе происходит то, что мы уже наблюдали в его более раннем творчестве: он говорит больше, чем ему думается. Показательна его глухота к «крику... боли», что само по себе, без ведома автора, служит его саморазоблачению.

Достоевский, оказавшись в одном лагере с Крестовским (их имена подчас соседствовали на страницах «Русского вестника»), не поже-

⁷⁶ Там же. 6 апр. № 36.

дал считать его своим единомышленником. Такой консерватизм и такое охранительство, не обеспеченные гуманистическим, нравственным потенциалом, наводили его на грустные размышления о «банкротстве консервативной партии» (24, 113). Членом этой партии он мечтал «научить Некрасову» (26, 200), по можно ли было это сделать с позиций Крестовским, столь далеко оставившим «некрассовские» идеалы своей юности? Сокрушенные сетования Достоевского на этот счет записал в последние годы его жизни Е. Н. Опочнин: «Беседа о Крестовском: „мало любви к людям“; прежние стихи».⁷⁷ Запись конспективная, но смысл ее в свете всего сказанного выше достаточно очевиден.

⁷⁷ Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 473.

М. ГУРГ

ОПЫТ АНАЛИЗА РЕЧИ СТАВРОГИНА

(«Чужое» слово и его контекстуализация
в процессе создания идеологии персонажей)

Ставрогин — самая спорная и наиболее загадочная фигура романа «Бесы». Если в других персонажах романа исследователи усматривают носителей тех или иных точек зрения на мир и, как правило, сводят их к тому, что принято называть «идеологией» (Шатов олицетворяет почвенничество, Кириллов — богоборчество, Шигалев — нечаевщину и т. д.), то Ставрогин вызывает самые разные, порой противоположные интерпретации.

Я задалась целью на основе методологии Бахтина проанализировать специфичность ставрогинской речи, главным образом в диалогах реальных или мысленных, в которые он вступает с окружающими голосами, проследить, каким образом его голос воспринимается, видоизменяется ими или же провоцирует их собственное слово, другой раз служит его отражением.

Работу я ограничила изучением ключевой с точки зрения развертывания сюжета «Бесов» первой главы второй части романа. В ней после того, как Ставрогин принял у себя Петра Верховенского, он отправляется по очереди навещать Кириллова, Шатова и Хромоножку с ее братом капитаном Лебядкиным. По пути ему два раза попадает Федька Каторжанин. Эти встречи насыщены разговорами. Вещественное обрамление сведено к минимуму. Неизменно открыты двери, элементы обстановки либо малозаметны, либо повторяют то, что уже известно читателю из предшествующих глав (например, интерьер жилища Хромоножки). Смысловая нагрузка интенсивно переносится на диалог.

Ко всем своим собеседникам Ставрогин приходит якобы по делу. Кириллова он просит быть на следующий день своим секундантом в предполагаемой дуэли с Гагановым.

Во время разговора Кириллов излагает свое знаменитое кредо: время, страх, смерть, несчастье — суть всего-навсего идеи. Преодолев их, человек достигнет блаженства. Дойдя до последнего предела в преодолении страха путем самоубийства, человек станет Богом (или, по выражению Кириллова, «человекобогом»; 10, 189), ибо Бог есть всего лишь проекция человеческих страхов. Эту мысль Ставрогин пренебрежительно относит к «старым философским местам» (10, 188). Как установили Г. М. Фридлендер и В. А. Туниманов, речь идет о философии Фейербаха, которая широко обсуждалась в среде петрашевцев (12, 222—223). Можно предполагать, что